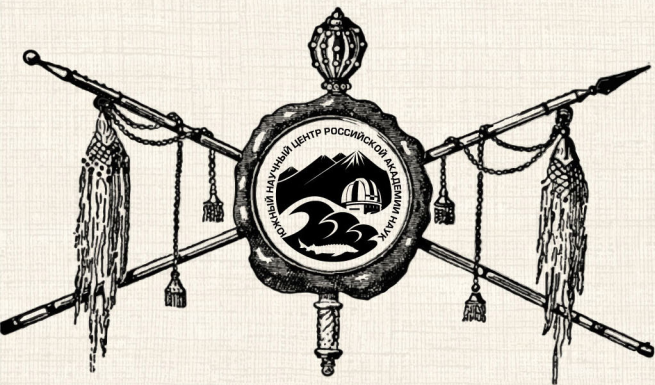

Июль – Сентябрь
July – September

2025

К Научный журнал **Том 1 / Номер 3**
АЗАКОВЕДЕНИЕ

Scientific journal "Kazakovedenie" **Vol. 1 / No. 3**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК» (ЮНЦ РАН)

Научный журнал
КАЗАКОВЕДЕНИЕ
(16+)

Сетевое издание

Том 1. № 3
2025

Основан в 2024 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
Матишов Геннадий Григорьевич, академик РАН

Редакционная коллегия:

Баранов Андрей Владимирович, д.и.н. (Краснодар)
Бритвин Николай Николаевич, общественный деятель, генерал-полковник (Ростов-на-Дону)
Венков Андрей Вадимович, д.и.н. (заместитель главного редактора) (Ростов-на-Дону)
Волвенко Алексей Александрович, к.и.н. (Таганрог)
Колесников Владимир Александрович, к.и.н. (Ставрополь)
Колесникова Марина Евгеньевна, д.и.н. (Ставрополь)
Лукьяшко Сергей Иванович, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Малов Александр Витальевич, к.и.н. (Москва)
Матвеев Олег Владимирович, д.и.н. (Краснодар)
Матвеева Наталья Сергеевна, к.и.н. (Москва)
Мининков Николай Александрович, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Очиров Уташ Борисович, д.и.н. (Элиста)
Панкова-Козочкина Татьяна Викторовна, д.и.н. (Новочеркасск)
Ратушняк Олег Валерьевич, д.и.н. (Краснодар)
Рвачева Ольга Владимировна, д.и.н. (Волгоград)
Рыблова Марина Александровна, д.и.н. (Волгоград)
Сень Дмитрий Владимирович, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Скорик Александр Павлович, д.и.н., д.филос.н. (Новочеркасск)
Тюменцев Игорь Олегович, д.и.н. (Волгоград)
Худобородов Александр Леонидович, д.и.н. (Оренбург)
Шадрина Алла Валерьевна, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Яровой Андрей Викторович, д.филос.н., к.соц.н. (Зерноград)
Бевза Татьяна Гарриевна (ответственный секретарь) (Ростов-на-Дону)

Утвержден ученым советом ЮНЦ РАН

Издание осуществляется при поддержке ЮНЦ РАН (Ростов-на-Дону)

Сетевое издание «Научный журнал "Казаковедение"»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-88811 от 02 декабря 2024 г.

Адрес редакции: 344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41; e-mail: kazak@ssc-ras.ru
Адрес сайта: <http://kazak.ssc-ras.ru>

РЕЦЕНЗИИ

УДК 930:004.07

СОЦИАЛЬНЫЕ ЭСТАФЕТЫ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА (К ВЫХОДУ МОНОГРАФИИ А.В. ДЮКАРЕВА ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ)

© 2025 г. А.П. Скорик

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова (Новочеркасск, Россия)

© 2025 г. Т.В. Панкова-Козочкина

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова (Новочеркасск, Россия)

Аннотация. В статье на основе историографического анализа и рецензирования недавно вышедшей из печати монографии кандидата исторических наук Андрея Викторовича Дюкарева рассматривается актуальная научная проблема трансляции исторической памяти и передачи межпоколенческой социальной эстафеты на примере истории кубанского казачества. Излагается позиция автора монографии по достаточно спорным вопросам исторической памяти кубанского казачества, дается критика некоторых его взглядов, наряду с выяснением исследовательских достижений в изучении далеко не однозначных исторических сюжетов прошлого, показан многотрудный процесс эволюции исторической памяти кубанского казачества на фоне событий российской истории и трансформации российского общества в оценках автора монографии и авторов настоящей статьи.

Ключевые слова: дискуссия, интерпретации, исследования, историки, исторические личности, коллаборационизм, кубанское казачество, социальные трансформации.

SOCIAL RELAY RACES OF THE KUBAN COSSACKS (TO THE PUBLICATION OF A.V. DYUKAREV'S MONOGRAPH ON HISTORICAL MEMORY)

A.P. Skorik

M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI) (Novocherkassk, Russia)

T.V. Pankova-Kozochkina

M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI) (Novocherkassk, Russia)

Abstract. Based on the historiographical analysis and review of the recently published monograph of Candidate of Historical Sciences Andrey Viktorovich Dyukarev, the article examines the actual scientific problem of broadcasting historical memory and transmitting the intergenerational social relay race on the example of the history of the Kuban Cossacks. The position of the author of the monograph on rather controversial issues of the historical memory of the Kuban Cossacks is stated, some of his views are criticized, along with clarifying research achievements in the study of far-ambiguous historical plots of the past, the difficult process of evolution of the historical memory of the Kuban Cossacks against the background of events in Russian history and the transformation of Russian society is shown in the assessments of the author of the monograph and the authors of this article.

Keywords: discussion, interpretations, research, historians, historical figures, collaboration, Kuban Cossacks, social transformations.

Социальные эстафеты обеспечивают функционирование механизмов исторической памяти, транслируя устойчивые образцы общественных суждений, логические правила восприятия окружающего мира, формы группового поведения, типы социально-психологических реакций и многое другое, что достается нам в наследство от наших предков. В многообразном социальном опыте кубанского казачества накоплена масса полезных вещей, осмысление которых представляет научный интерес для профессиональных историков. Социальная эстафета XX в. обладает во многовековой истории кубанского казачества наиболее широким контекстуальным и даже гипертекстуальным значением, поэтому появление новых исследований по указанному историческому периоду, вне всякого сомнения, не только актуально, но и вызывает широкий публичный интерес.

В алгоритме удаленного доступа при поддержке компании «Издательские решения» кубанский исследователь, кандидат исторических наук А.В. Дюкарев опубликовал в 2023 г. новую монографию «Историческая память кубанского казачества. Попытки осмысления трудных (спорных) вопросов» [1]. Она посвящена рассмотрению ряда проблем, связанных как с историей кубанского казачества, так и с его современным социокультурным развитием. Как полагает автор, отечественная историческая наука и изменение общественного сознания высветили проблемные вопросы в историческом развитии кубанского казачества, поэтому необходимо их озвучивать и делать предметом открытого честного обсуждения, а не задвигать за полог забвения.

Книга не имеет традиционного введения, в котором бы обстоятельно пояснялась авторская позиция, равно как и отсутствует в ней заключение с итоговыми обобщениями и выводами. Этот подход является весьма непривычным решением для исторического произведения – такие структурные части традиционны для подобных трудов, так как в них излагается замысел исторического сочинения, указываются точки отсчета для авторской рефлексии. И в этом случае недостаточно предложенной Андреем Викторовичем аннотации, хотя, безусловно, это реализация авторского научного замысла.

Весь текст монографии делится на четыре небольшие главы, логически связанные друг с другом в вопросе понимания исторического процесса: от гражданского противостояния в 1917 г. к истокам и проблемам коллаборационизма кубанского казачества, а отсюда к комплексу вопросов исторической памяти этой общности, морально-этическим и духовно-нравственным основам регламентации внутреннего и внешнего бытия казачьего мира. Такой логико-структурный подход к авторскому описанию истории вполне уместен, даже правомерен.

В первом параграфе «Память о прошлом казачества в сознании современного кубанского общества: сквозь призму революции 1917 года» [1, с. 3–8] первой главы «Кубанское казачество и Революция 1917 года» проводится мысль о неотделимости революции 1917 г. и последовавшей за ней гражданской войны, ибо они вместе продуцировали раскол общества: «Трещина раскола неумолимо прошла и по кубанскому казачеству, разделив его на сторонников новой Советской власти и тех, кто отстаивал заведенный предками уклад жизни, обычаи, традиции. На первоначальном этапе Гражданской войны основная масса казачества старалась соблюсти

нейтралитет, не оказывая явной поддержки ни одной из сторон политического противостояния» [1, с. 3]. В этом отношении кубанцы поступали так же, как и донцы, когда казаки-фронтовики, переживая социально-психологическую и физическую усталость от длительного мирового военного конфликта, ненадолго отошли в сторону от глобального социального раскола. Одним из первых от такой позиции казачества испытал человеческую горечь организатор и вдохновитель Белой Добровольческой армии на Юге России генерал М.В. Алексеев: «...атаманы и правительства казачьих войск», а равно и их «влиятельные, виднейшие советники, меньше всего думали о том, чтобы "идти на Россию спасать" ее от большевиков. Их заботили, прежде всего, "внутреннее благоустройство, поддержание порядка и спокойствия"» [1, с. 4].

Однако «неумолимый маховик революционного противостояния вовлек представителей кубанского казачества по разные стороны баррикад разгоравшейся Гражданской войны», человеческая цена которой оказалась слишком велика и запечатлелась, как подчеркивает А.В. Дюкарев, в социальной и индивидуальной памяти горечью безвозвратных потерь. Со ссылкой на подсчеты В.Н. Ратушняка [2, с. 329] он оценивает эти потери в 331 тыс. человек [1, с. 4]. Наряду с человеческими потерями в самом остром социальном конфликте, трагедией кубанского казачества стала эмиграция, связанная с Революцией 1917 г. и Гражданской войной «одной исторической нитью» [1, с. 5]. Заметим, говоря о Революции 1917 г. он не называет ее Октябрьской, хотя по контексту следует так понимать, но, вероятно, в этом также заключается авторская позиция, ибо никакая иная революция не оказала большего влияния на историю кубанского казачества.

«Имя и Образ Революции 1917 года» вбивались в историческую память кубанского казачества» (того большинства, что осталось на своей малой Родине) «безапелляционными действиями, резолюциями и политикой Советской власти» [1, с. 5], в том числе проведением политики расказачивания, а среди существующих в современной российской историографии определений автор монографии отдает свое предпочтение дефиниции кубанского историка Г.О. Мациевского: «Расказачивание можно и необходимо рассматривать как сложный, многослойный процесс, предполагающий несколько содержательных направлений, которые, в свою очередь, могли переплетаться и накладываться друг на друга» [3]. Мы также полагаем возможным принять такое определение понятия «расказачивание», хотя у нас есть своя авторская позиция [4, с. 445].

Эхом Революции и Гражданской войны 1917–1920 гг. А.В. Дюкарев называет язву коллаборационизма кубанского казачества в период Второй мировой войны, а среди причин этого явления он выделяет две ментальные модели: «идейно-политическая непримиримость с Советской властью проигравших в Гражданской войне и оказавшихся в эмиграции» кубанских казаков и «желание предъявить свой счет к Советской власти тех, кто пострадал от нее в период 1920–1930-х гг.» [1, с. 6]. Эти продукты исторической памяти кубанского казачества, аккумулированные двумя группами казачьей общности, и «в связи с этим у определенной части кубанского общества, несмотря на значимость Революции 1917 года в отечественной истории, сформирован негативный образ ее восприятия и влияния на судьбу кубанского казачества в XX веке» [1, с. 8].

Во втором параграфе «Российская революция 1917 года в судьбе кубанского казачества: исторические итоги» [1, с. 8–15] первой главы монографии ее автор фор-

мулирует пять тезисов, объясняющих обозначенные исторические итоги, и комментирует каждый из них. К числу указанных тезисов относятся:

«1. Революционная идеология оказала значительное влияние на сознание кубанских казаков» [1, с. 9];

«2. Революция 1917 года явилась катализатором модернизационных процессов, изменяющих образ, историческую востребованность, место и роль казачества в жизни Российского государства» [1, с. 10];

«3. Элита кубанского казачества в лице высшего офицерского состава, региональной буржуазии, интеллигенции, в результате Революции 1917 года получила возможность реализовать свои властно-политические амбиции» [1, с. 11];

«4. Революция 1917 года вскрыла и наглядно показала несостоятельность в условиях стремительного и бурного XX века, консервативного отношения к внешним общественно-политическим процессам и пассивной социальной позиции, присущей кубанскому казачеству в предыдущие исторические периоды» [1, с. 13];

«5. Революция 1917 года является причинно-следственным механизмом изменения исторического вектора дальнейшего существования кубанского казачества» [1, с. 14].

Революция 1917 г., как резюмирует А.В. Дюкарев, «ускорила социальные процессы в казачьей среде, стимулируя дальнейшее экономическое расслоение и идейно-политическое размежевание. Благодаря Революции 1917 года кубанское казачество приобрело краткосрочный опыт автономного государственного существования, выживания и сохранения себя в инородной среде Зарубежья, интегрирования в качественно новую модель бытия советского общества» [1, с. 15].

В третьем параграфе «Кубанское казачество в Гражданской войне: противоречия и разногласия в динамике военно-политического противостояния» [1, с. 16–20] первой главы автор монографии выделяет среди исторических коллизий регионального развития «противоборство между казаками и иногородними по поводу земли. Разногласие носило экономический характер, но во время Гражданской войны и в последующие 20-е годы укрепления советской власти приобретает политическую окраску» [1, с. 16]. А вот первым актом Гражданской войны называется военное столкновение 22 января 1918 г. «красногвардейских отрядов под командованием А.А. Яковлева с добровольческими офицерскими отрядами войскового старшины П.А. Галаева и капитана В.Л. Покровского у п. Энема» [1, с. 18]. Тем не менее «ключевым событием начального периода Гражданской войны на Юге России» в рамках сложившейся в российской историографии традиции обозначается "Ледяной" поход и передислокация Добровольческой армии с Дона на Кубань», где ожидаемой поддержки генералы-организаторы белых добровольцев Л.Г. Корнилов и М.В. Алексеев, увы, не нашли [1, с. 18]. Соответственно, вторым знаковым и глубоким противоречием явилось «разделение кубанского казачества на "белых" и "красных", разведя по разные стороны военно-политического противостояния и родственников, и одностаничников. Беднейшие слои кубанского казачества, и фронтовики поддерживали советскую власть и воевали на ее стороне в составе красногвардейских военных формирований. На сторону Кубанской рады встали представители зажиточных слоев и казачье офицерство, которым пришлось примкнуть к белой Добровольческой армии» [1, с. 18–19]. Здесь в социальном расколе возникают две стороны исторической правды, закрепляемые в исторической памяти кубанского казачества, когда событие состоялось лишь одно, а вот его понимание сформировалось совер-

шенно противоположное, раскрывающее социальное взаимодействие в нескольких параллельных плоскостях: язык один, а слова разные; культурный код один, а рождающиеся культурные традиции, знаки и символы, отличные друг от друга; военные действия одни, а герои совсем иные; казаки кубанские, а цели, устремления, экспектации имеют два вектора; ментальные модели поведения исходят из одного корня, а плоды рождаются непохожие. Что-то в этом было, наверное, от лермонтовского: «Нет, я не Байрон, я другой, // Еще неведомый избранник, // Как он, гонимый миром странник, // Но только с русскою душой». Социальный раскол не остановился на двоичности мира кубанского казачества, и вот мы уже наблюдаем «кубанское действо» с расправой над руководством «самостийной» фракции Кубанской рады со стороны Добровольческой армии. Правда, образно говоря, и на другой стороне широкой социальной реки монолитного единства не наблюдалось, но эту ситуацию А.В. Дюкарев обошел стороной и сделал итоговый вывод: «В ходе Гражданской войны на Юге России кубанское казачество испытывало комплекс противоречий и разногласий, которые окончательно разрушили его структурную и духовно-идейную целостность, подорвали доверие в союзнические обязательства с Добровольческой армией, и явилось одним из факторов поражения белых сил и победы советской власти» [1, с. 20].

В первом параграфе «Гражданская война на Юге России 1917–1922 гг. как первопричина казачьего коллаборационизма» [1, с. 21–28] второй главы «Коллаборационизм и кубанское казачество» автор монографии обращает внимание на две составные части казачьего коллаборационизма, где казаки-эмигранты первой волны составляли меньшинство, ибо «только 1430 казаков из состава Казачьего Стана, выданных советским властям в г. Лиенце, принадлежало к эмигрантам первой волны» [5, с. 649]. Большинство же казаков-коллаборационистов пережило два десятилетия советской власти, и сохранило стойкое ее неприятие в своей исторической памяти, ибо еще не ушли из жизни поколения, воевавшие на стороне Белого движения.

В объяснении истоков казачьего коллаборационизма А.В. Дюкарев обращается к авторитетному суждению узкого специалиста О.В. Ратушняка: «Коллаборационизм казаков был обусловлен, в первую очередь, обидами на советскую власть и проводимые ею репрессии казачества, а также боязнью новой волны репрессий после окончания Второй мировой войны» [6, с. 19]. Андрей Викторович вносит свое существенное дополнение в обозначенный постулат в рамках концепта социальных эстафет, ибо «для России с ее патриотической морально-этической матрицей, не допускающей никакого взаимодействия с врагом, в соответствии с ментальностью русского народа – это чревато своеобразным когнитивным диссонансом». Однако «сила ненависти и непростения к политическим оппонентам и представителям новой социальной формации в лице активных представителей советской власти была столь велика, что пересиливала все старые морально-нравственные императивы» [1, с. 23]. Ни детальное описание антиказачьих акций, ни «сухая статистика не может передать трагедии отдельного человека, в то время как нет ничего более ценного, чем жизнь человека, его чувства, его устремления, жизненный опыт и память, которые он стремится передать следующим поколениям» [1, с. 26], выполнить свою роль в социальной эстафете. Тысячи нанесенных индивидуальных социальных травм сформировали эмоционально-чувственную сферу глобального коллаборационистского процесса, помимо мощного воздействия объективных

исторических факторов постоктябрьского социального конфликта, когда кубанское казачество «из жертвы Советской власти» неотвратимо превратилось «в участника противостояния этой власти» [1, с. 28], перешагнув опасные «красные линии» в отношении к ближнему и в служении своей Родине.

Однако трагедия отдельного человека этим не исчерпывается, ибо коллаборационизм, как мы полагаем, рождается из совокупности негативных человеческих качеств. К сожалению, не каждый человек проявляет должную личную готовность при определенных жизненных обстоятельствах преодолеть, подавить свои внутренние страхи при угрозе личной безопасности, когда он почему-то допускает слабование, нестерпимо жаждет комфорта, непременно рассчитывает на вознаграждение за приспособление к ситуации и совершенно теряет разум, чтобы твердо действовать в рамках общественно признанных духовно-нравственных норм и ценностей, чтобы исполнить свой гражданский и личностный долг. Так рождается элементарная человеческая трусость, а она и есть существенная причина коллаборационизма. Именно она стала одной из движущих сил поступка генерал-лейтенанта А.А. Власова, который бросил 2-ю ударную армию Волховского фронта на произвол судьбы, просто трусил и сдался в плен фашистам, забыв про офицерскую честь, гражданский долг и семью.

Трагедией отдельного человека и/или определенной социальной группы является выход из латентного состояния, и/или обретение такого негативного человеческого качества как предательство (измена), выступающего, на наш взгляд, еще одним источником коллаборационизма, когда напрочь утрачивается верность Родине, какими бы рациональными причинами это не объяснялось, ибо Вторая мировая война, тем более Великая Отечественная война, отнюдь не были реальным, прямым продолжением Гражданской войны. Вот где проходит исторический рубеж для коллаборационизма. «Так нелепо, странно видеть этих русских людей в немецкой форме, – говорил ярый борец с большевизмом А.И. Деникин, – а сказать прямо, как же это так? Понимаете ли, что врагу России служить – нельзя... Нельзя!» [7, с. 106]. И здесь нечего добавит! Даже рассуждать о верности присяге, пожалуй, недостаточно, ибо налицо сознательное нарушение человеком клятвы уже почти ничего не значит, ведь он на стороне врага России. Вот она «красная линия», то самое отклонение от норм и ценностей российского общества, обычаев и традиций казачества, против которых часть казаков выступила, отреклась от единоверцев, присягнув Гитлеру.

В свое время лидер партии кадетов П.Н. Милюков произнес 1 ноября 1916 г. знаменитую речь «Глупость или измена?» на заседании Государственной думы. Размышляя над этой проблемой, зададим свой риторический вопрос: а Новороссийская катастрофа в марте 1920 г. была следствием глупости, или же все-таки здесь очевидна измена, в результате которой тысячи кубанских и донских казаков оказались за бортом Белого движения. Может быть, и здесь также следует искать первичные истоки коллаборационизма?! Там, где казачья масса (опытные воины) была выброшена за полной ненужностью на «свалку» жертв политического предательства и социальной измены в военном конфликте. А не только уповать на чрезмерно жестокий советский (большевистский, сталинский) политический режим?! Новороссийской катастрофе предшествовала гибель донской конницы в феврале 1920 года в Задонской степи (Егорлыкская операция 1920 г. в советской терминологии). И опять всё тот же вопрос... Правда, мы его теперь повторяем

вслед за профессором А.В. Венковым [8], хотя напрямую он по итогу повествования его не задает.

Также заметим, основная масса казачества, будучи аполитичной, первоначально вовсе не противилась созданию советов в постоктябрьской России. Рядовым казакам порой сложно было тогда разобраться в ситуации. В этой связи интересны воспоминания казака хутора Кудинова донской станицы Андреевской Я.А. Топоркова: *«Никак не помяну, чи белым два раза служил, а красным три раза, чи наоборот... Тада как было: придуть, отмобилизуют, спробуй не пойтить, плетюганов получишь, а то и порубают. Сбежишь, опять же, другие заметут. Что мы ведали о большаках, о кадетах? Да ничего!»*.

Коллаборационизм он проистекает и от человеческой безысходности, равно как и от применения насилия, когда честь и память вообще где-то скрылись за горизонтом человеческой души...

В представленном втором параграфе «Интерпретация деятельности атамана В.Г. Науменко как отражение проблемы рассмотрения казачьего коллаборационизма в отечественной историографии» [1, с. 28–34] второй главы монографии А.В. Дюкарев вполне правомерно подчеркивает: «Научные исследования, рассматривающие факты сотрудничества советских граждан с гражданской и военной администрацией нацистской Германии в 1941–1945 гг. продолжают быть в фокусе внимания, как профессиональных историков, так и общественности, но это не снимает с повестки дня наличие вопросов без ответов и наличие общественной напряженности» [1, с. 28]. Нынешняя историографическая ситуация остается сложной, а появление диссертаций с положительной переоценкой коллаборационизма вызывает негативный научный резонанс и широкий общественный протест [9]. На этом фоне вопрос об интерпретации деятельности войскового атамана Кубанского казачьего войска в зарубежье В.Г. Науменко требует взвешенных подходов, но в постсоветский период сформировалось к нему коллизийное отношение, которое «объясняется несколькими причинами:

Во-первых, определенной идеализацией В.Г. Науменко и всего что связано с историей казачества в эмиграции и жизни за «железным занавесом».

Во-вторых, наличием планов политического руководства Краснодарского края и Кубанского казачьего войска вернуть казачьим регалии из США на Кубань.

В-третьих, нежеланием или неготовностью историков давать оценку морально-нравственным аспектам деятельности самого В.Г. Науменко, его ближайших соратников и казачества в целом, связанной с проявлениями коллаборационизма» [1, с. 29].

Ситуацию осложняет то обстоятельство, что «на данный момент выявлены факты сотрудничества атамана В.Г. Науменко с представителями немецкого военного командования и оккупационных властей в годы Великой Отечественной войны, что негативно влияет на оценку его как личности и общественно-политического деятеля российской эмиграции» [1, с. 29]. В условиях, когда «среди исследователей до сих пор идет дискуссия о причинах и характере отечественного коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны, в том числе и казачьего» [1, с. 30], важно расставить акценты. С правовой точки зрения претензий к атаману В.Г. Науменко не имеется. Во-первых, по нему нет решений советских судебных инстанций, в отличие от его соратников по Гражданской войне и эмиграции. Во-вторых, американские органы правосудия не выявили «в действиях атамана В.Г. Науменко в период Второй мировой войны фактов военных преступлений» [1, с. 32]. В-третьих, про-

верка Главной военной прокуратуры не установила фактов его преступных деяний. В-четвертых, Международный военный трибунал не обнаружил никаких документальных данных о совершении В.Г. Науменко преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечества.

Тем не менее, существующая в настоящее время «общественная оценка казачьему коллаборационизму на примере отношения к атаману В.Г. Науменко достаточно болезненна и противоречива», ибо он «в трудные для Отчизны времена находился по другую сторону баррикад», поэтому многие в нём видят «врага и предателя». В среде возрождающего казачества его не вычеркивают из числа кубанцев и отводят законное место среди кубанских атаманов. В итоге «общество раскололось в своем мнении в вопросе морально-нравственной оценки деятельности атамана В.Г. Науменко» [1, с. 33, 34].

В третьем параграфе «Персоны нон грата истории кубанского казачества» [1, с. 34–45] второй главы монографии А.В. Дюкарев фиксирует однозначную современную историографическую тенденцию, когда «мы наблюдаем желание правящей политической элиты через государственные институты более жестко и предметно контролировать общественную сферу, определять политику памяти о прошлом. Отражением ограничения исследовательской свободы в исторической науке является появление «фигур умолчания», определенных исторических персонажей, раскрытие роли которых в историческом процессе становится неудобным.

Речь не идет об оправдании или обелении исторических лиц, чья деятельность вызывает общественное и государственно-правовое осуждение и порицание. Отнюдь! Но историк сам вправе определять предмет и объект своего исследования, руководствуясь актуальностью, научной новизной, общественным запросом, а не мнением «товарищей сверху» [1, с. 35]. И здесь трудно не согласиться с цитируемым мнением московских историков, докторов исторических наук С.В. Алексеева и О.А. Плотниковой: «Очевидно, что любым историком, как прошлого, так и настоящего должен руководить критический разум исследователя, а также стремление передать описываемые события предельно подлинно и ясно» [10, с. 163].

В качестве «фигур умолчания» в отечественной историографии в своей монографии А.В. Дюкарев называет В.Г. Науменко, А.Г. Шкуро, В.Ф. Рябоконя [1, с. 35] и дает историографический обзор научной литературы, посвященной исключительно этим персонам, но в данном фрагменте монографии основное внимание уделено В.Г. Науменко [1, с. 36–40], что вполне объяснимо, ибо о нём Андрей Викторович написал и защитил кандидатскую диссертацию [11]. А вот А.Г. Шкуро удостоился меньшего внимания, как в тексте монографии [1, с. 40–42], так в отмеченных историографических источниках, а имя В.Ф. Рябоконя «поверхностно упоминается лишь в контексте бело-зеленого движения на Кубани в 20-е гг.» [1, с. 43].

Подводя итоги своего обращения к «фигурам умолчания», А.В. Дюкарев делает следующий вывод: «Рассмотренные нами исторические лица не являются образцами добродетели, в своей жизни [они] совершали ошибки и, может быть, пошли не той исторической дорогой, но это не должно делать их изгоями в истории. Для истории все едины. А героями и мерзавцами они становятся уже в наших глазах, под воздействием процесса трансформации коллективной памяти...

Наличие персон нон грата и «белых пятен» в истории негативно отражается на развитии самой исторической науки и общества в целом. Нераскрываемость образа исторической персоны и причинно-следственных связей разворачива-

ния полотна эпохи ведет к мифологизации исторического процесса и появлению модели, искажающей истинное прошлое и формирующей ложное пространство настоящего: «миф – фальсификация истории – управление сознанием и социальным поведением масс» [1, с. 44–45]. Мы бы здесь процитировали афоризм немецкого поэта и журналиста Маттиаса Клаудиуса: «Не следует говорить всего, что знаешь, но всегда следует знать, что говоришь. Всегда знай предмет, о котором говоришь, и всегда знай, о чем лучше промолчать». В то же время поговорка «Не всякая правда к месту» дает понять, что человек не обязан на каждом шагу выражать всё, что он думает и чувствует. Воспитывать только на трагедии нельзя!

В четвертом параграфе «Генерал А.Г. Шкуро: стереотипы негативных характеристик и объективный образ» [1, с. 45–53] второй главы автор монографии излагает две противоположные точки зрения на деятельность известной персоны Гражданской войны и предметно подчеркивает, что «в условиях возрождения казачьего движения, имя и образ А.Г. Шкуро стали популярны у значительной части кубанского казачества» [1, с. 45]. «Его возвращение в историческую память кубанского казачества стало возможно благодаря единственному на данный момент исследованию [12], объективно рассматривающему личность генерала А.Г. Шкуро, «отца-основателя» кубанского краеведения Виталия Петровича Бардадыма – «Жизнь генерала Шкуро» [1, с. 46]. Нелестные характеристики А.Г. Шкуро принадлежат перу одного из лидеров Белого движения П.Н. Врангеля [13, с. 86, 122], бывшего военного прокурора Вооруженных сил Юга России И.М. Калинина [14], адъютанта генерала В.З. Май-Маевского, капитана П.В. Макарова [15, с. 25–28], кстати, ставшего прототипом Павла Кольцова в известном пятисерийном художественном телефильме «Адъютант его превосходительства» (режиссер Е.И. Ташков, 1969 г.). По мнению историка А.В. Дюкарева, именно «такие характеристики генерала А.Г. Шкуро формировали его негативный образ, и транслируемые через литературу, закреплялись в сознании общества» [1, с. 49].

Деятель белой эмиграции Ф.И. Елисеев, полковник, кубанский казак, наоборот дает характеристику А.Г. Шкуро иного плана, и в его детальном описании он предстает как истинный народный герой, почитаемый кубанскими казаками, знаток казачьих традиций, прославленный казачий командир [16, с. 31–33]. Заметим, главнокомандующий Добровольческой армией, генерал-лейтенант А.И. Деникин называл А.Г. Шкуро национальным героем Кубани, хотя тут же понизил в должности с командира дивизии до командира бригады. «Очевидно «тип настоящего партизана», – подчеркивает А.В. Дюкарев, – настораживал и беспокоил «власть предержащих» генералов, но приходилось считаться с их популярностью в казачьей среде» [1, с. 50].

Активный участник Гражданской войны на стороне белых, генерал-лейтенант П.С. Махров представляет в своих записках А.Г. Шкуро в качестве народного самородка, «человека сердечной чистоты», который «помогал вдовам и сиротам своих казаков» [17, с. 126–127]. Активный деятель русской эмиграции, капитан 2-го ранга (стал в эмиграции контр-адмиралом) Г.Г. Граф характеризует А.Г. Шкуро как непримиримого врага большевизма, готового бороться с ним до конца своих дней [18, с. 261]. Бывший войсковой атаман В.Г. Науменко называет его выдающимся «белым партизаном» [19, с. 351].

На основе рассмотрения различных, негативных и позитивных отзывов о А.Г. Шкуро в своей монографии А.В. Дюкарев излагает авторскую позицию. По

его мнению, в наличествующей историографии «белый партизан» «предстает противоречивой, но харизматичной личностью, вознесенной к высотам власти самой революционной эпохой и вихрем Гражданской войны. Несомненно, в его характере присутствовали черты и наклонности, не соответствующие идеалу добропорядочного героя, как бесспорно и то, что его многие действия выходили за этические рамки. Однако не будем забывать, что сама эпоха смешала понятия дозволенного и возможного» [1, с. 52–53].

В пятом параграфе «Коллаборационизм и/или военно-политическая оппозиция казачества Юга России: к постановке научно-этической проблемы» [1, с. 53–57] второй главы А.В. Дюкарев аргументирует собственную точку в отношении казаков-эмигрантов, к которым ни в коей мере «нельзя применить термин «коллаборационисты». Выдворенные с территории страны, не являясь юридически гражданами СССР, они не могли его и предать. Наоборот, они открыто считали себя и СССР врагами» [1, с. 55]. Это первый аргумент.

Второй аргумент А.В. Дюкарева: «В то же время неуместно в условиях трансформации российского общества, смены общественно-политического формата российского государства употреблять терминологию советской эпохи – «предатель», «пособник» – несущих ярко выраженный политизированный и эмоциональный посыл. Поэтому, говоря об участии казачьей эмиграции в Великой Отечественной войне на стороне Германии, более точным и объективным будет термин «военно-политическая оппозиция» [1, с. 55–56]. Но казаки-эмигранты направили полученное от Германии оружие «против своего народа, они преступали морально-этические принципы, в первую очередь, самого казачества». Иначе говоря, «термин «коллаборационист» применим к представителям казачества Юга России, воевавшим на стороне Германии в период Великой Отечественной, лишь к тем, кто являлся гражданином СССР». Тем не менее «обе категории казачества Юга России, принимавшие участие в Великой Отечественной войне на стороне нацистской Германии, с юридической точки зрения, подлежат уголовному наказанию в случае наличия военных преступлений и моральному осуждению безотносительно причин, побудивших их к сотрудничеству с Германией» [1, с. 56–57].

Однако с юридической точки зрения, опираясь на действующее ныне российское законодательство, может быть, лучше употреблять в данном случае термин «иноагент»? А «предатель», увы, это не исключительно советский термин. Предатели своей Родины есть и в других странах, поэтому просто вещи нужно называть своими именами. Пособник нацистов, кем бы он ни был по происхождению, по его официальному гражданству, пособником нацистов так и останется, ибо первична в его жизнедеятельности помощь именно нацистам, а уж затем следует демонстрация оппозиционности политическому режиму. Вот так мы считаем, чтобы не затушевывать предательство своей исторической родины, какой бы там политический режим не существовал.

В федеральном законе «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ в пунктах 1 и 2 статьи 1 недвусмысленно «под иностранным агентом понимается лицо, получившее поддержку и (или) находящееся под иностранным влиянием в иных формах и осуществляющее деятельность, виды которой установлены статьей 4 настоящего Федерального закона... Иностранным агентом может быть признано российское или иностранное юридическое лицо независимо от его организационно-правовой

формы, общественное объединение, действующее без образования юридического лица, иное объединение лиц, иностранная структура без образования юридического лица, а также физическое лицо независимо от его гражданства или при отсутствии такового».

В федеральном законе от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013 г.) «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», согласно пункту 1 статьи 1, «Соотечественниками являются лица, родившиеся в одном государстве, проживающие либо проживавшие в нём и обладающие признаками общности языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии».

Тем самым, если всё же исходить из современных подходов, к которым настойчиво апеллирует А.В. Дюкарев, то, на наш взгляд, лучше пользоваться двумя понятиями «иноагенты» и «соотечественники» в отношении казачьей эмиграции, поскольку эти понятия расставляют всё на свои места. Если казак вынужденно покинул Родину, но не наносил ей вреда, то он, несомненно, соотечественник, а если он оказался в стане врага и решил воевать против своей Родины, то он как минимум иноагент, хотя в обоих названных случаях страна происхождения может быть одна.

В первом параграфе «Историческая память кубанского казачества: трансляция – трансформация – преемственность» [1, с. 58–68] третьей главы «Кубанское казачество и проблемы исторической памяти» автор монографии отмечает актуализацию проблемы исторической памяти по четырем обстоятельствам: обеспечение функционирования механизма социальной преемственности, канал властного государственного влияния на российское общество, сохранение этносоциальной идентичности казачества, развитие системы непрерывного казачьего образования. При установлении дефиниции «историческая память» А.В. Дюкарев обращается к трактовке известного специалиста в этом вопросе доктора исторических наук И.Е. Козновой [20]. Это «понимание исторической памяти как символического представления о прошлом, сохраняющего смыслы, ценности, образцы и формы поведения, и выступающая как необходимая коммуникация с прошлым, являясь одним из проявлений социальных начал жизни» [1, с. 60].

На основе краткого исторического экскурса о формировании кубанского казачества на территории нового региона Российской империи автор делает итоговый вывод: «В условиях переселения казачества на новые земли, хозяйственной колонизации и общественного обустройства Кубани, трансляция исторической памяти последующим поколениям являлась механизмом решения этнокультурных задач, этнической и сословной самоидентификации кубанского казачества» [1, с. 63], то есть выступала социальной эстафетой. Однако нам трудно согласиться с иным выводом А.В. Дюкарева об исторической памяти, характерной исключительно для советского периода истории казачества, когда он пишет: «В рамках функционирования советского общества, историческая память кубанского казачества находилась в «законсервированном» виде, механически передаваясь из поколения в поколение, не имела возможности решать свои социализирующие и педагогические задачи» [1, с. 64]. Мы занимались исследованием кампании «за советское казачество» на примере казачьих регионов Юга России и такой вот «механики» в функционировании исторической памяти не фиксировали, когда, например, кубанские и терские казаки прибыли к донским казакам на парад в Ростов-на-Дону в характерном костю-

ме на лошадях в марте 1936 г., а затем такие точно казачьи торжества состоялись в Пятигорске с участием донских, кубанских и терских казаков в их традиционной форме [21, с. 314, 315]. А куда деть кампанию «лицом к казачеству» [22, с. 456–492], когда всё казачье выдвигалось на первый план, да те же кубанки, открыто носившиеся не только кубанскими казаками?! И этот перечень можно продолжать дальше.

«Лишь с начала 90-х гг. XX века, – подчеркивает автор монографии, – историческая память кубанского казачества становится востребована обществом, которое совершило очередной поворот в своем развитии. Стремительно возрождающееся кубанское казачество испытывало острую необходимость в наполнении своей духовной сферы через историческую память, вновь включив механизм ее трансляции» [1, с. 64]. Из текста не понятно, кто же открыл заветный клапан, образно говоря, для мощного выплеска исторической памяти кубанского казачества. Может быть, здесь речь всё же идет об очередном социальном проекте, как на Дону [23]?

В авторской трактовке А.В. Дюкарева, «современный процесс трансляции исторической памяти кубанского казачества реализуется в трех временных векторах:

1. Направленность в прошлое с целью воскрешения славных боевых страниц, ярких портретов атаманов и героев, духовно-нравственных традиций;
2. Утверждение в настоящем через создание мест памяти, юбилейных мероприятий, научных исследований;
3. Устремленность в будущее, реализуя принцип преемственности, связывая дореволюционное историческое наследие, вбирая себя и не отвергая опыт бытия в советский период и дополняя современными исследованиями и интерпретациями.

На современном этапе в рамках вопроса трансляции исторической памяти кубанского казачества идет активный процесс коммеморации путем восприятия прошлого через актуализацию его событий, персонажей и образов в контексте сегодняшней социокультурной и политической ситуации, и более это проявляется в региональном пространстве» [1, с. 64]. Это привело, по мысли автора монографии, к появлению новых мест памяти на уровне городов, станиц и хуторов, что обеспечило «восстановление исторической памяти», а это было главной целью перечисляемых многочисленных мемориальных проектов, и привело к передаче социальной эстафеты будущим поколениям казаков.

Трансформацию исторической памяти кубанского казачества в наше время А.В. Дюкарев связывает, прежде всего, с реализацией государственных интересов. «Государство и политическая элита пытаются развернуть общество в сторону неоконсервативного пути развития, что не могло не отразиться на месте и роли казачества в общественной жизни. Императивы, поступающие от государства, жестко регламентируют степень дозволенного для казачества, определяют удобных исторических персонажей и ненужные страницы из прошлого, которые не стоит упоминать. Всё это ведет к искажению исторической памяти кубанского казачества» [1, с. 65]. В качестве фактов подтверждения этого авторского постулата приводится наличие сегодня «фигур умолчания», к которым отнесены В.Г. Науменко, А.Г. Шкуро, В.Ф. Рябоконь. Трансформацию исторической памяти кубанского казачества обуславливает также «Раскол, произошедший в 1917 году и разделивший российское общество и казачество на прямолинейную систему идентификации «свой – чужой», в результате чего «представители различных течений в казачьем сообществе опираются каждый на свою историческую правду» [1, с. 66].

По мнению А.В. Дюкарева, в настоящее время фиксируются следующие тревожные негативные тенденции в существовании исторической памяти: 1) насильственная коррекция механизма «трансляции – трансформации – преемственности»; 2) неспособность «российской политической элиты предложить обществу перспективные идеологемы, направленные в будущее, и ей ничего не остается, как эксплуатировать историческое наследие, придавая ему необходимую огранку»; 3) воздействие на историческую память, ведущее к прямому нарушению «прав человека – на свободу получения информации, на возможность мыслить, иметь и высказывать свое мнение» [1, с. 67]. Тем не менее, историческая память кубанского казачества, правомерно резюмирует автор монографии в конце первого параграфа третьей главы, «продолжает, и будет продолжать реализовывать функцию наследования культурных, духовных, нравственных ценностей для последующих поколений, являться механизмом самоидентификации кубанского казачества» [1, с. 67–68].

Во втором параграфе «Образ войны в сознании кубанского казачества между исторической политикой и исторической памятью» [1, с. 68–71] третьей главы А.В. Дюкарев, с нашей точки зрения в смысловых рамках концепции символического интеракционизма, обращается к коннотационной трактовке войны в исторической памяти кубанского казачества. «Война ассоциируется в казачьем сознании проявлением храбрости и героизма как неотъемлемой черты воина-защитника... Война должна быть справедливой, а в таком случае, враг должен быть агрессором или представителем другой религии, а значит «другого» мира» [1, с. 68]. Со ссылкой на учебное пособие Е.М. Белецкой и Н.Н. Великой, автор монографии связывает образ войны с социокультурным архетипом захватчика, в качестве которого для кубанского казачества традиционно представал «ба(у)сурманин», терминологически «произошедший от названия мусульманских купцов-откупщиков "бесерменов", которые собирали на Руси дань для Золотой Орды» [24, с. 107].

К началу XX в., как указывает автор монографии, «в исторической памяти кубанского казачества закрепились образы героев Кавказской войны 1817–1864 гг.», и особой популярностью пользовались казацки генералы Я.Г. Кухаренко, П.Д. Бабыч, Н.П. Слепцов, Ф.А. Круковский и др. [1, с. 69]. Однако «Революция 1917 года, Гражданская война, советская модернизация 20–30х гг., Великая Отечественная война внесли в исторический опыт и историческую память кубанского казачества образ войны с врагом не только с чужаком-иностранцем, но и с врагом-соотечественником» [1, с. 70]. Причем «военные события Гражданской войны трактуются как братоубийственные, жестокие деяния со стороны всех участников, при отказе признания нелегитимного прихода к власти большевиков» [1, с. 71]. А вот характерный «образ войны конца XX века вошел в сознание кубанского казачества через сюжеты ожесточенных схваток с националистическими деструктивными силами в рамках локальных конфликтов» [1, с. 70]. В целом же, как резюмируется в конце второго параграфа третьей главы монографии, «образ войны в сознании кубанского казачества в различные исторические периоды был доминирующим в формировании и трансляции исторической памяти, испытывая при этом влияние выработанной государством политики памяти» [1, с. 71]. И здесь мы полностью согласны с авторской позицией.

В третьем параграфе «Проблемы формирования этносоциальной идентичности кубанского казачества на современном этапе (начало XXI века)» [1, с. 72–78] тре-

тей главы А.В. Дюкарев указывает на две базисные характеристики российского казачества: «с одной стороны функционально казачество было военно-служилым сословием, а с другой, практически все казачьи войска являют образец этнокультурной группы» [1, с. 72]. Причем при изложении этносоциальной эволюции кубанского казачества автор монографии фиксирует внимание на незначительности доли собственно казачьего ядра. Так, «по подсчетам И.В. Бентковского, в 1795 г. "истых сечевиков" насчитывалось только 30 %, "охотников" из свободных людей – 40 %, "прочих" – 30 %» [25, с. 20]. Кубанское казачество исторически формировалось из различных социальных и этнических групп, в том числе из представителей изначально недружественных этносов, и эти тенденции прослеживаются в монографии на примере двух основных частей Кубанского казачьего войска: черноморцев и линейцев. И, соответственно, шел «процесс трансформации всех задействованных субъектов в новый социальный конструкт – кубанское казачество» [1, с. 76]. Что касается данных Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., то они, по мнению А.В. Дюкарева, не отражают адекватно «картину этносоциальной идентичности современного кубанского казачества» [1, с. 76], поэтому он поддерживает позицию А.В. Бредихина, подчеркивающего, что «требование выделить казаков в отдельную национальность носит политизированный характер» [26, с. 15]. «На процесс формирования этносоциальной идентичности кубанского казачества на современном этапе, – резюмирует в итоге автор монографии, – влияют разноплановые факторы, порожденные как особенностями исторической эволюции, так и реалиями политического и социального развития российского общества» [1, с. 77–78].

Актуальность сюжетов четвертого параграфа «Отражение военной истории кубанского казачества в учебном курсе "Кубановедение" как средство формирования региональной идентичности» [1, с. 78–86] третьей главы напрямую вытекает из смысловых трактовок предшествующего параграфа данной главы, поскольку «к проблеме формирования этносоциальной идентичности имеет непосредственное отношение вовлечение в этот процесс системы образования. Распоряжением губернатора Краснодарского края в регионе введено повсеместное открытие казачьих классов, в которых обучается около 80 тысяч учащихся. В связи этим остро встает вопрос о содержании казачьего компонента в образовательных организациях, на основе которого и будет формироваться казачья идентичность у учащихся. На современном этапе механизмами формирования этносоциальной идентичности кубанского казачества могут выступать генеалогия, и семейная история, и система морально-этических ценностей и своеобразных ей моделей поведения российского казачества, которые можно условно обозначить как "Кодекс чести казака"» [1, с. 77].

В настоящее время «классы казачьей направленности функционируют во всех общеобразовательных школах Краснодарского края. Особенность содержания образования в них характеризуется изучением казачьего компонента, где военная история казачества занимает значимое место» [1, с. 78] в учебном курсе «Кубановедение», обязательное преподавание которого началось в регионе с 1 сентября 2004 г.

На примерах Отечественной войны 1812 г., Кавказской войны 1817–1864 гг., Крымской войны 1853–1856 гг., русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Первой мировой войны А.В. Дюкарев рассматривает учебно-воспитательные фрагменты непосредственной работы с учащимися по формированию региональной идентичности, отмечая какие именно моменты из военной истории помогут учителю это сделать, какие примеры непременно следует использовать в педагогической практике.

«Анализируя линейку учебников регионального интегрированного курса "Кубановедение" для общеобразовательных школ Краснодарского края [27–31], – итожит автор монографии, – можно отметить, что военная история кубанского казачества сопряжена с основными геополитическими событиями Российской империи в XIX – начала XX веков. При этом демонстрируется набор основных сюжетов и героев, ставших классическими, призванных подчеркнуть героическое прошлое кубанского казачества и его верное служение Отечеству. Авторы учебников избегают острых оценок и негативных характеристик противников в рассматриваемых войнах, стараясь толерантно и без эмоций дать только факты былого противостояния» [1, с. 85–86].

В первом параграфе «Кодекс чести казака как система нравственно-этических основ кубанского казачества» [1, с. 87–103] четвертой главы «Морально-этические и духовно-нравственные основы регламентации внутреннего и внешнего бытия казачьего мира» А.В. Дюкарев обосновывает необходимость выработки «Кодекса чести казака», но завершённого текстового проекта не приводит, хотя апеллирует к разным периодам в истории казачества. В развернутом виде он формулирует обозначенный кодекс в другом издании, где выступает в качестве составителя [32], а под разработкой «Кодекса чести казака» Андрей Викторович понимает «процесс формирования и своеобразие комплекса этических норм, нравственных установок и правил поведения» [1, с. 88]. Однако кодекс не может существовать без основополагающей идеи. «Такой идеей, дающей силу и бесстрашие в бою, спокойствие при встрече со смертью, самоотверженное принятие страданий и своей судьбы, такой идеей была защита православной веры» [1, с. 91]. Кроме того, «в системе ценностей казачества видное место занимали воинское искусство, ратные подвиги и боевая доблесть, а важнейшим побудительным мотивом в поведении казака выступала слава» [1, с. 92]. Важной ценностной категорией для «Кодекса чести казака» «является превалирование общественно-коллективного формата над индивидуально-эгоистическим» [1, с. 93], ибо казак казаку – брат, а на войне во сто крат, и т.д. Кроме того, «настоящий казак, воспитанный и живущий по законам казачьей чести, должен уважать и почитать представителей старшего поколения, внимать их мудрости, заботиться и обеспечить достойную старость» [1, с. 94]. В «Кодекс чести казака», по мнению А.В. Дюкарева, должны обязательно войти: «трудолюбие, хозяйственная смекалка, экономическая самостоятельность, самостоятельность, самоощущение и самоидентификация себя как хозяина, уважение к женщине, трепетное отношение к девичьей чести и добродетели, забота о детях и престарелых родителях, иждивение вдов и сирот» [1, с. 98]. Важно закрепить в «Кодексе» идею служения Родине, которая претерпела очень существенные исторические трансформации [1, с. 98–100].

В формировании «Кодекса чести казака» важнейшей проблемой является наличие возможности трансляции нравственно-этических казачьих ценностей, их обязательной «передачи последующим поколениям и соответствующего социокультурного и педагогического воздействия на них» [1, с. 100]. В качестве каналов трансляции А.В. Дюкарев рассматривает устное народное творчество (поговорки, пословицы, былины и т.п.), песенный фольклор, художественные произведения. Тем самым, социальная эстафета кубанского казачества получает заметное видовое разнообразие.

Во втором параграфе «Семейная история кубанского казачества как фактор духовно-нравственного воспитания» [1, с. 103–111] четвертой главы автор монографии рассматривает сюжеты, давно интересующие нас в качестве предмета самостоятельного исследования [33]. По его мнению, необходимо шире привлекать

подростков к составлению своих семейных родословных, к реконструкции детальных исторических биографий отдельных казаков и казачьих лидеров с элементами «анализа политических, социальных и культурных событий, основываясь на данных выстроенных родословных структур» [1, с. 103–104]. Кроме важного функционального итога составления родословных с введением в научный оборот ранее неизвестных исторических источников, «эффект духовно-нравственного воздействия на учащихся в результате занятий ими генеалогическими исследованиями заключается в том, что каждая родословная, помимо поиска и определения земных корней рода, высвечивает еще и духовные корни. Наличие и отображение в родословной духовных корней показывает внутреннее содержание и нравственную позицию, как отдельной семьи, так и всего рода» [1, с. 104], что демонстрирует, в свою очередь, фамильную честь в качестве особой социальной ценности.

Индивидуальные творческие задания учащимся в процессе изучения регионального компонента, в том числе истории кубанского казачества, формируют историческое самосознание, способствуют патриотическому воспитанию подрастающего поколения, а оно предполагает обязательную военно-патриотическую работу, где как нельзя лучше пригодится знание военной истории казачества, воспитание и научение чувству любви к Родине, чтобы подростку пришло «осознанное понимание патриотизма и как своего долга, и как своей обязанности перед Родиной по ее защите» [1, с. 106]. Только «научив подростка гордиться и любить историю своей семьи, рода, мы научим его любить как свою "малую" родину, так и "большую". В рамках данной концепции автор [монографии] предлагает включить в исследования по историческому регионоведению **модель "личность – семья – родной край"**, т.е. деятельность отдельно взятой исторической личности – семейная история, вклад семьи, рода и развитие исторического процесса в регионе – история края, которая и складывается из совокупности многих семейных историй» [1, с. 107].

Через привлечение подростков к генеалогическим исследованиям удастся получить один из способов решения проблемы их социализации, имеющий двоякое значение: «Сам человек прилагает усилия для овладения социальными навыками, и общество, посредством воспитания, образования, приобщения его к культуре, трансформирует его» [1, с. 108]. Примечательно, что авторские выводы о воспитательной значимости широкого применения генеалогической практики подростков в преподавании регионального курса «Кубановедения» А.В. Дюкарев подкрепляет конкретными данными социологического исследования, проведенного в СОШ № 3 г. Славянска, и в итоге правомерно резюмирует: «Занятия с ребенком генеалогией **формируют благоприятную социализированную среду в его собственной семье**» [1, с. 111]. Как полагает автор монографии, «обращение ученых и педагогов к генеалогии кубанского казачества через включение регионального компонента в образовательное пространство на всех его уровнях позволит ввести в научный оборот огромный региональный массив фактического материала и, с одной стороны, развить прикладные направления генеалогической науки, а, с другой, – является содержательным полем для исследовательской работы учащихся» [1, с. 111].

Таким образом, в результате рассмотрения монографии А.В. Дюкарева мы приходим к выводу о знаковой актуальности поднимаемых им проблем, ибо проблема исторической памяти сегодня активно выдвигается в гуманитарных науках, и произошла институализация исследований памяти (*memory studies*), о чем пишет И.Е. Кознова [34, с. 5–6], особенно, в исторической науке, где сам принцип историз-

ма изначально указывает на механизмы исторической памяти. В рецензируемом нами произведении мы видим большой объем проделанной аналитической работы: автор приводит массу оригинальных интерпретаций, с которыми можно соглашаться или нет, но они есть, и это характеризует труд с позитивной стороны. Авторская позиция подкрепляется большим объемом конкретно-исторического материала, хорошо подобранного и поданного своему читателю, чье внимание, несомненно, привлекут цитируемые многочисленные факты историографии и компаративистские сюжеты, что безоговорочно свидетельствует о глубоком исследовательском проникновении в изучаемую проблему исторической памяти. Конечно же, мы изначально ожидали такой же обстоятельной работы с историческими источниками, но, на наш взгляд, развернутый источниковедческий анализ, к сожалению, почему-то не стал примечательной характеристикой данной монографии, хотя, скажем, вопрос о мифологизации исторической памяти лучше раскрывается именно через аналитическое обращение к уникальным историческим документам. Вместе с тем, А.В. Дюкареву удалось предметно изучить специфику коллективной памяти кубанского казачества в разные исторические периоды эпохального XX века и даже охватить нынешние времена. Он реконструирует историческую память кубанского казачества как социокультурный феномен XX столетия, показывает ее особенности и структуру, интерпретирует содержание, выявляет доминанты и приоритеты, раскрывает иерархию передаваемых социальных эстафет. Большое внимание уделяет логически выверенному факторному анализу изменения исторической памяти кубанского казачества на протяжении, прежде всего, XX столетия, и мы отчетливо видим социально-политические контексты исторической памяти кубанского казачества, изученные взаимосвязи между общественным положением казачества, реальной ситуацией в России и моментами актуализации конкретного прошлого исторического опыта. На примере истории кубанского казачества показано взаимодействие стихийной, групповой и властно организованной исторической памяти. В представленном произведении А.В. Дюкарев сумел определить потенциальные возможности исторической памяти кубанского казачества как культурного человеческого капитала и мощного интеллектуального ресурса модернизационных процессов, в том числе на современном этапе развития. Он провел разносторонний социокультурный и исторический анализ исторической памяти кубанского казачества и определил ее в качестве репрезентативного маркера изменения казачьего мироощущения и миропонимания, обозначил ее как совокупность ценностных представлений кубанского казачества, передаваемых будущим поколениям в забываемых образах и искренних человеческих эмоциях.

Однако А.В. Дюкареву в реконструкции исторической памяти кубанского казачества не удалось выйти за рамки линейного исторического анализа, и мы не видим истории «глазами казаков», кубанский казак сам не говорит, есть лишь общее воззрение группы, замечен перекося в сторону обсуждения проблем коллаборационизма. Не всегда удалось проследить ситуации, когда почему-то забываются те или иные исторические сюжеты, да и сам автор в отношении советского прошлого казачества склонен больше к использованию, образно говоря, темно-серых исторических красок, нежели к применению многоцветия исторического повествования. Очень важно в этом случае устанавливать степень сохранности-забывания казаками тех или иных исторических событий, как в групповой, так и партикулярной жизнедеятельности, ведь именно эта степень напрямую связана с неизбежной ак-

туализацией тех или иных образов исторического прошлого. Безусловно, А.В. Дюкарев на примере важнейших событий истории кубанского казачества XX столетия сумел понять, как и почему они сбереглись в исторической памяти казаков, в какой степени социальная память связана с актуальными представлениями исторического настоящего, но у него не получилось за событийным пластом исторической памяти кубанского казачества проследить действие ее многообразных механизмов, а ведь «важно изучение ритуально-телесной и вербальной сторон памяти, различных техник поддержания социальности, специфики техник письма разных поколений, гендерных особенностей запоминания и памяти» [34, с. 7]. Читателю в книге представлена историческая память кубанского казачества как конкретно-историческая и региональная проблема, но в гораздо меньшей степени она рассматривается автором как проблема поколенческая, и он здесь сосредотачивается лишь на современности. В тени остались варианты исторической памяти различных групп внутри кубанского казачества, в чем заключена региональная специфика, где культурно-исторические типы не исчерпываются только линейцами и черноморцами, если детально вникать в эту актуальную историческую проблему.

В целом А.В. Дюкаревым предпринята удачная попытка исторического анализа актуальной и еще недостаточно изученной совокупности научных задач, какой является историческая память кубанского казачества. Этот анализ выполнен автором на сложном эмпирическом материале XX столетия, насыщенного глубокими противоречиями и принципиальными для кубанского казачества событиями и явлениями, трансформациями его социокультурного кода. Он реализован с позиций современного уровня исторической науки и открывает достаточно широкий простор для исследовательских дискуссий, причем не только профессиональных историков, но и широкого круга заинтересованной публики, находящейся в курсе рассматриваемого круга вопросов. В своей монографии А.В. Дюкарев раскрывает эвристический потенциал большой научной проблемы исторической памяти и обретения новых историко-антропологических открытий, введения в научный оборот значительного массива исторических источников, использования новейших методик преподавания дисциплин регионоведческого цикла, где историческая память представляет собой важнейший этнокультурный капитал, который составляет основу в социальных эстафетах, в том числе кубанского казачества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Дюкарев А.В. Историческая память кубанского казачества. Попытки осмысления трудных (спорных) вопросов. [Б.м.]: Издательские решения, 2023. 116 с.
2. Очерки истории Кубани с древнейших времен до 1920 г. / под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар: Советская Кубань, 1996. 656 с.
3. Мацеевский Г.О. Рассказывание как историческая проблема // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 5 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/raskazachivanie-kak-istoricheskaya-problema?ysclid=lw14lpbwam493803499> (дата обращения: 10.05.2024).
4. Скорик А.П. Рассказывание: категориально-понятийный и персонифицированный исторический дискурс // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9. № 3. С. 437–447.
5. Дробязко С.И., Романько О.В., Семёнов К.К. Иностранные формирования Третьего рейха. М.: АСТ; Астрель, 2011. 848 с.
6. Ратушняк О.В. Казачье зарубежье как социально-исторический феномен: образование, структура, проблемы общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни (1920–1960-е гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Краснодар, 2018. 47 с.
7. Лехович Д.В. Белые против красных: Судьба генерала А.И. Деникина. М.: Воскресенье, 1992. 366 с.
8. Венков А.В. Гибель донской конницы в феврале 1920 года в Задонской степи // Былые годы. 2011. № 4 (22). С. 17–25.

9. Александров К.М. Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943–1946 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2015. 1145 с.
10. Алексеев С.В., Плотникова О.А. Мифы и фальсификации в российской истории // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 162–171.
11. Дюкарев А.В. Казачьи генеалогии в историко-культурном контексте Кубани (на материалах родословной атамана В.Г. Науменко): дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2017. 211 с.
12. Бардадым В.П. Жизнь генерала Шкуро. Краснодар: Советская Кубань, 1998. 96 с., ил.
13. Врангель П.Н. Воспоминания: [в 2 частях: 1916–1920]. М.: Центрполиграф, 2006. 782 с.
14. Калинин И.М. Под знаменем Врангеля. Заметки бывшего военного прокурора. Л.: Прибой, 1925. 272 с.
15. Макаров П.В. Аджютант генерала Май-Маевского. Из воспоминаний начальника отряда красных партизан в Крыму. Л.: Прибой, 1927. 194 с.
16. Елисеев Ф.И. На берегах Кубани и партизан Шкуро. Часть 1, 2. Нью-Йорк: [б. и.], 1955. 52 с.
17. Махров П.С. В Белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб.: Logos, 1994. 300 с., ил.
18. Граф Г.К. На службе Императорскому дому России. 1917–1941. Воспоминания. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2004. 687 с.
19. Науменко В.Г. Великое предательство: [Казачество во Второй мировой войне]. СПб.: Нева, 2003. 446 с.
20. Кознова И.Е. Прошлое в народной памяти: проблемы интерпретации // Проблемы российского самосознания: историческая память народа: мат-лы 12-й Всерос. конф. (г. Москва; г. Махачкала, апрель 2015 г.). М.: Махачкала: Дельта-пресс, 2015. С. 198–211.
21. Скорик А.П. Казачество Юга России в 30-е годы XX века: исторические коллизии и опыт преобразования: дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2009. 540 с.
22. Панкова-Козочкина Т.В. Казаки и крестьяне Юга России в 1920-х годах: социально-политическая жизнь и хозяйственно-экономическая деятельность: дис. ... д-ра ист. наук. Новочеркасск, 2016. 617 с.
23. Скорик А.П. Казачья корпорация на Дону как современный социальный проект // Клио. СПб: Нестор, 2006. № 1(32). С. 167–176.
24. Белецкая Е.М., Великая Н.Н. Исторические песни линейный казаков Терека и Кубани (дореволюционный период): учебное пособие. Армавир: РИО АГПУ, 2016. 191 с., ил.
25. Бентковский И.В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение Черномории с 1792 по 1825 год // Памятная книжка Кубанской области. Екатеринодар: Тип. Кубанского областного правления, 1881. С. 3–125. Паг.
26. Бредихин А.В. Этносоциальная идентичность современного российского казачества // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). 2017. № 61. С. 6–18.
27. Трёхбратов Б.А., Бодяев Ю.М. История Кубани, конец XVIII–XIX век. Учебник для 8 класса общеобразовательных учреждений. Краснодар: Перспективы образования, 2005. 143 с.
28. Кубановедение. Учебное пособие для 10 класса общеобразовательных учреждений / В.Н. Ратушняк, О.В. Матвеев, И.А. Терская, А.Н. Криштопа; под ред. д-ра ист. наук В.Н. Ратушняка. Краснодар: Перспективы образования, 2013. 160 с., ил.
29. Кубановедение. Учебное пособие для 8 класса общеобразовательных учреждений / Ю.М. Бодяев, С.А. Лукьянов, Р.М. Гриценко, Б.А. Трёхбратов; под ред. Б.А. Трёхбратова. Краснодар: Перспективы образования, 2011. 135 с., ил.
30. Кубановедение. Кубань в XX – начале XXI века. История. Люди. Общество. Учебное пособие (с электронной версией) для 11 класса общеобразовательных учреждений / А.А. Зайцев Е.В. Морозова, Н.В. Плотицина, О.А. Бориско, М.А. Егупова, А.Б. Сазантович, И.С. Башкаков, Т.И. Беляева; под ред. А.А. Зайцева. Краснодар: Перспективы образования, 2015. 345 с.
31. Кубановедение. Учебное пособие для 9 класса общеобразовательных организаций / В.Н. Ратушняк, А.Н. Еремеева, С.А. Лукьянов, А.В. Шевченко; под ред. профессора В.Н. Ратушняка. Краснодар: Перспективы образования, 2017. 151 с.
32. Кодекс чести казака / сост. А.В. Дюкарев. М.: РИПОЛ Классик, 2018. 334 с.
33. Скорик А.П. Семейные и индивидуальные микроистории как поиск индивидуальной и коллективной идентичностей (на материалах Донского региона) // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013. № 14. С. 96–109.
34. Кознова И.Е. Историческая память российского крестьянства в XX веке: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2005. 40 с.

REFERENCES

1. Dyukarev A.V. 2023. *Istoricheskaya pamyat' kubanskogo kazachestva. Popytki osmysleniya trudnyh (spornyh) voprosov* [Historical memory of the Kuban Cossacks. Attempts to comprehend difficult (controversial) issues]. Izdatel'skie resheniya. 116 p.

2. *Ocherki istorii Kubani s drevnejshih vremyon do 1920 g.* [Essays on the history of Kuban from ancient times to 1920] Ratushnyaka. Krasnodar, Sovetskaya Kuban', 1996. 656 p.
3. Macievskij G.O. 2012. *Raskazachivanie as a historical problem. Sovremennye issledovaniya social'nyh problem* [Modern research on social problems (electronic scientific journal)]. No. 5 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/raskazachivanie-kak-istoricheskaya-problema?ysclid=lw14ljbwam493803499> (accessed: 10.05.2024).
4. Skorik A.P. 2022. *Raskazachivanie: categorical-conceptual and personalized historical discourse. Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanitarian and legal studies]. Vol. 9 (3). P. 437–447.
5. Drobyazko S.I., Roman'ko O.V., Semyonov K.K. 2011. *Inostrannye formirovaniya Tret'ego rejha* [Foreign formations of the Third Reich]. Moscow, AST; Astrel'. 848 p.
6. Ratushnyak O.V. 2018. *Kazach'e zarubezh'e kak social'no-istoricheskij fenomen: obrazovanie, struktura, problemy obshchestvenno-politicheskoy, social'no-ekonomicheskoy i kul'turnoj zhizni (1920–1960-e gg.): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Cossack Abroad as a socio-historical phenomenon: education, structure, problems of socio-political, socio-economic and cultural life (1920s–1960s): SciD Abstract]. Krasnodar, 2018. 47 p.
7. Lekhovich D.V. 1992. *Belye protiv krasnyh: Sud'ba generala A.I. Denikina* [White against Red: The Fate of General A.I. Denikin]. Moscow, Voskresen'e. 366 p.
8. Venkov A.V. 2011. The death of the Don cavalry in February 1920 in the Zadonsk steppe. *Bylye gody* [The old days]. Vol. 4. No. 22. P. 17–25.
9. Aleksandrov K.M. 2015. *Generalitet i oficerskie kadry vooruzhyonnyh formirovanij Komiteta osvobodzheniya narodov Rossii 1943–1946 gg.: dis. ... d-ra ist. nauk* [Generals and officer cadres of the armed formations of the Committee for the Liberation of the Peoples of Russia 1943–1946: SciD Thesis]. St. Petersburg. 1145 p.
10. Alekseev S.V., Plotnikova O.A. 2015. *Myths and falsifications in Russian history. Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Ability]. No. 1. P. 162–171.
11. Dyukarev A.V. 2017. *Kazach'i genealogii v istoriko-kul'turnom kontekste Kubani (na materialah rodoslovnoj atamana V.G. Naumenko): dis. ... kand. ist. nauk* [Cossack genealogies in the historical and cultural context of Kuban (based on the pedigree of Ataman V.G. Naumenko): PhD Thesis]. Armavir. 211 p.
12. Bardadym V.P. 1998. *Zhizn' generala Shkuro* [The life of General Shkuro]. Krasnodar, Sovetskaya Kuban'. 96 p., il.
13. Vrangeli P.N. 2006. *Vospominaniya*: [v 2 chastyah: 1916–1920]. [Memoirs: [in 2 parts: 1916–1920]. Moscow, Centrpoligraf. 782 p.
14. Kalinin I.M. 1925. *Pod znamenem Vrangelya. Zametki byvshego voennogo prokurora* [Under the banner of Wrangel. Notes by a former military prosecutor]. Leningrad, Priboj. 272 p.
15. Makarov P.V. 1927. *Ad'yutant generala Maj-Maevskogo. Iz vospominanij nachal'nika otryada krasnyh partizan v Krymu* [Adjutant of General May-Mayevsky. From the memoirs of the chief of the Red partisan detachment in the Crimea]. Leningrad, Priboj. 194 p.
16. Eliseev F.I. 1955. *Na beregah Kubani i partizan Shkuro. Chast' 1, 2* [On the shores of the Kuban and the partisans Shkuro. Part 1, 2]. N.-Y. 52 p.
17. Mahrov P.S. 1994. *V Beloj armii generala Denikina: Zapiski nachal'nika shtaba Glavnokomanduyushchego Vooruzhyonnyimi Silami Yuga Rossii* [General Denikin's White Army: Notes by the Chief of Staff of the Commander-in-Chief of the Armed Forces of Southern Russia]. St. Petersburg, Logos. 300 p., ill.
18. Graf G.K. 2004. *Na sluzhbe Imperatorskomu domu Rossii. 1917–1941. Vospominaniya* [In the service of the Imperial House of Russia. 1917–1941. Memories]. St Petersburg: Russko-Baltijskij informacionnyj centr BLIC. 687 p.
19. Naumenko V.G. 2003. *Velikoe predatel'stvo: Kazachestvo vo Vtoroj mirovoj vojne*. [The Great Betrayal: The Cossacks in World War II]. St. Petersburg, Neva. 446 p.
20. Koznova I.E. 2015. *The past in people's memory: problems of interpretation. Problemy rossijskogo samosoznaniya: istoricheskaya pamyat' naroda. Materialy 12-j Vserossijskoj konferencii. Moskva; Makhachkala, april' 2015 g.* [Problems of Russian identity: the historical memory of the people. Materials of the 12th All-Russian Conference. Moscow; Makhachkala, April 2015]. Moscow; Makhachkala, Del'ta-press. P. 198–211.
21. Skorik A.P. 2009. *Kazachestvo Yuga Rossii v 30-e gody XX veka: istoricheskie kollizii i opyt preobrazovanij: dis. ... d-ra istor. nauk* [The Cossacks of Southern Russia in the 30s of the twentieth century: historical collisions and the experience of transformations: SciD Abstract]. Stavropol', 2009. 540 p.
22. Pankova-Kozochkina T.V. 2016. *Kazaki i krest'yane Yuga Rossii v 1920-h godah: social'no-politicheskaya zhizn' i hozyajstvenno-ekonomicheskaya deyatel'nost': dis. ... d-ra ist. nauk* [Cossacks and Peasants of Southern Russia in the 1920s: socio-political life and economic activity: SciD Thesis]. Novocherkassk. 617 p.
23. Skorik A.P. 2006. Cossack Corporation on the Don as a modern social project. *Klio* [Clio]. St. Petersburg, Nestor. No. 1(32). P. 167–176.

24. Beleckaya E.M., Velikaya N.N. 2016. *Istoricheskie pesni linejnyj kazakov Tereka i Kubani (dorevolucionnyj period): uchebnoe posobie* [Historical songs of the line Cossacks of the Terek and Kuban (pre-revolutionary period): a textbook]. Armavir, RIO AGPU. 191 p., ill.
25. Bentkovskij I.V. 1881. Materials for the history of colonization of the North Caucasus. Settlement of the Black Sea region from 1792 to 1825. *Pamyatnaya knizhka Kubanskoj oblasti* [Commemorative book of the Kuban region]. Ekaterinodar, Tipografiya Kubanskogo oblasnogo Pravleniya. P. 3–125. Pag.
26. Bredihin A.V. 2017. The ethnosocial identity of the modern Russian Cossacks. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik* (Elektronnyj zhurnal) [Public administration. Electronic Bulletin (Electronic journal)]. No. 61. P. 6–18.
27. Tryohbratov B.A., Bodyaev Yu.M. 2005. *Istoriya Kubani, konec XVIII–XIX vek. Uchebnik dlya 8 klassa obshcheobrazovatel'nyh uchrezhdenij* [The history of Kuban, the end of the XVIII–XIX century. Textbook for the 8th grade of educational institutions]. Krasnodar, Perspektivy obrazovaniya. 143 p.
28. Ratushnyak V.N. (ed.), Matveev O.V., Terskaya I.A., Krishtopa A.N. 2013. *Kubanovedenie. Uchebnoe posobie dlya 10 klassa obshcheobrazovatel'nyh uchrezhdenij* [Kuban studies. Textbook for the 10th grade of educational institutions]. Krasnodar, Perspektivy obrazovaniya. 160 p., ill.
29. Bodyaev Yu.M., Luk'yanov S.A., Gricenko R.M., Tryohbratov B.A. (ed.). 2011. *Kubanovedenie. Uchebnoe posobie dlya 8 klassa obshcheobrazovatel'nyh uchrezhdenij* [Kuban studies. The textbook for the 8th grade of educational institutions]. Krasnodar, Perspektivy obrazovaniya. 135 p., ill.
30. Zajcev A.A. (ed.), Morozova E.V., Plotichkina N.V., Borisko O.A., Egupova M.A., Sazantovich A.B., Bashkakov I.S., Belyaeva T.I. 2015. *Kubanovedenie. Kuban' v XX – nachale XXI veka. Istoriya. Lyudi. Obshchestvo. Uchebnoe posobie (s elektronnoj versiej) dlya 11 klassa obshcheobrazovatel'nyh uchrezhdenij* [Kuban studies. Kuban in the XX – early XXI century. History. People. Society. Textbook (with electronic version) for 11th grade of educational institutions]. Krasnodar, Perspektivy obrazovaniya. 345 p.
31. Ratushnyak V.N. (ed.), Ereemeeva A.N., Luk'yanov S.A., Shevchenko A.V. 2017. *Kubanovedenie. Uchebnoe posobie dlya 9 klassa obshcheobrazovatel'nyh organizacij* [Kuban studies. Textbook for the 9th grade of general education organizations]. Krasnodar, Perspektivy obrazovaniya. 151 p.
32. Dyukarev A.V. 2018. *Kodeks chesti kazaka* [The Cossack's Code of Honor]. Moscow, RIPOL Klassik. 334 p.
33. Skorik A.P. 2013. Family and individual microhistories as a search for individual and collective identities (based on materials from the Don region). *Stavropol'skij al'manah Rossijskogo obshchestva intellektual'noj istorii* [Stavropol Almanac of the Russian Society of Intellectual History]. Stavropol': No. 14. P. 96–109.
34. Koznova I.E. 2005. *Istoricheskaya pamyat' rossijskogo krest'yanstva v XX veke: avtoref. dis. ... d-ra istor. nauk*. [Historical memory of the Russian peasantry in the twentieth century: DSci Abstract]. Samara. 40 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

СКОРИК Александр Павлович, доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова (ЮРГПУ (НПИ); Новочеркасск, Российская Федерация

SKORIK Alexander Pavlovich, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social and Human Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation; Platov South Russian State Polytechnic University; Novocherkassk, Russian Federation.

E-mail: s_a_p@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1283-8137

ПАНКОВА-КОЗОЧКИНА Татьяна Викторовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова; г. Новочеркасск, Российская Федерация.

PANKOVA-KOZOCHKINA Tatiana Viktorovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russian Federation

E-mail: p_k_t@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4660-0266

© А.П. Скорик, 2025
© Т.В. Панкова-Козочкина, 2025

Дата поступления в редакцию: 06.06.2025.
Дата принятия статьи: 09.06.2025.